История в стиле рэп

Автор:
Галина Щербакова

История в стиле рэп

Галина Николаевна Щербакова

Галина Щербакова

История в стиле рэп

Дался мне этот рэп! Дался мне этот некрасивый парень из телевизора, по-обезьяньи припадающий то на левую, то на правую ногу. Без лица – просто серое пятно. Зато руки его – то вскинуты вверх, то расставлены, то они тычут в тебя пальцами, сложенными в детское «забодаю, забодаю». И этот голос без мелодии, без чувства, без мысли, осипше-охрипший. Исповедь-скороговорка серого лица. Я его слышу каждый день, выходя в коридорный предбанник. Там, за одной из дверей, как раз красивый юноша с умными глазами вкушает это блюдо каждый день. Мне бы поскорее проскочить это пространство грубого ритма, мне бы потом стряхнуть его серую липучую грязь бессмыслицы. И потом уже задать вопрос без ответа: что для умницы-физика – это «забодаю-забодаю»? Что он постигает с его помощью? Или, может, что заглушает в себе? Но так случилось, что вся моя история началась и кончилась под эти «звуки му». И «забодаю-забодаю» звучало недвусмысленно, как «получай, фашист, гранату!».

I

Звонок был уже в дверь, не в домофон. Обычно, когда одна дома, я не открываю. Опасаюсь. Знакомые о приходе предупреждают заранее, даже телеграммы

теперь читают по телефону. Соседка просто кричит в дверь: «Это я, Нюся!» Но сейчас дома был муж, он как раз надевал ботинки, чтоб идти на работу. Поэтому я смело открывала дверь в пространство рэпа.

Через матовое стекло той, окончательной двери, что ведет на площадку лифта, я вижу силуэт. И у меня нет сомнения, что это наша дочь. Она последнее время стала носить черный цилиндр. По-моему, глупо, но мода молодых такие делает виражи, что я за ними не поспеваю.

Я открываю дверь и тут же падаю, слыша глухой щелчок. Я – еще или уже – понимаю: это выстрел, и точно знаю, что, раз человек слышит звук выстрела, значит, не убит. Нечеловеческая боль в плече, хлещущая кровь и мысль, что хуже пули: стреляла в меня моя собственная дочь.

Как раз в полном облачении вышел муж и едва не наступил на меня. Вот когда он закричал, я потеряла сознание.

Оклемалась я уже в больнице, боль держала меня цепкой лапой, напротив сидела дочь, вся какая-то сине-зеленая.

– Господи! Мам! Наконец-то! Ты всех напугала, так плохо выходила из наркоза. Но знай, у тебя легкая рана. Ключица и плечо. Ерунда! К тебе уже три раза приходила милиция.

– Зачем? – спросила я.

– Здрасте! – возмутилась она. – Эту же сволочь надо найти или нет? Ты хоть заметила лицо там, одежду?

Я говорю, что устала, и закрываю глаза.

– Я пойду, – сказала дочь, – скажу, что ты очнулась и в порядке. У меня дела.

Сквозь приоткрытые веки я смотрю ей вслед. Черный плащ и цилиндр я домысливаю.

Когда пришел муж со следователем, я четко ответила:

– Молодой мужчина в черном плаще и шляпе. «Эдакий классический разбойник». – Это я так острю.

– Консьержка в это время ходила кормить собак, – говорит муж. – Она никого не впускала.

– Утром, – вставляет золотое слово следователь, – много выходящих. Выход-вход может быть одновременен. Надо опрашивать людей.

Лицо у мужа бело-серое. Это цвет его паники.

Расскажу о себе. Цвет моей паники абсолютно белый. Выхожу же я из нее, из паники, безобразными красными пятнами. И они начинаются с носа. Картина, скажу вам, еще та. Пятна же на шее сидят у меня почему-то долго. Могут и целый день. Надо попросить зеркало – посмотреть…

Так вот. Муж рассказывает мне, как чуть не споткнулся об меня, как заорал, как выскочили соседи. Сосед напротив – врач, он наложил повязку ли, жгут, но сразу сказал: «Ты фильм старый, симпатичный такой видел? Там Быков еще поет: „Вот пуля просвистела, и ага“». Сосед так шутил, объясняя мужу, что сердце не задето, что пуля «ага» – и мимо него.

– Так что ты не тушуйся. – Это муж говорит уже мне. – Ключица срастется, плечо заживет. Я как подумаю, что чуть-чуть бы вправо и вниз… Все-таки есть случаи, когда непрофессионализм – дар божий.

«Бога зачем приплел?» – думаю я и закрываю глаза. Слово же «непрофессионализм» корежится, распадается на куски и оседает на дно меня. Только наглое «си» осталось на жердочке, сидит и попискивает.

– Ты сразу позвонил Инке? – спрашиваю я, не открывая глаз.

– Да нет, – ответил он. – Уже из больницы. Дома никто не отвечал. Ответил мобильник. Она только-только вылезла из бассейна.

Я это знаю: по вторникам у нее бассейн утром, как раз в это время.

– У них там был такой шум, что она никак не могла понять, о чем я…

– Сегодня вторник? – спрашиваю я.

– Да! – отвечает муж. – Уже три часа. Я дождался, когда тебя прооперируют, сбегал на работу, вернулся домой, поставил квартиру на охрану, не до того было раньше, и приехал. Тут уже крутился следователь.

– А Инка пошла домой?

– Да нет! Она в шоке забыла утром в бассейне шарф и шляпу.

– Цилиндр, – говорю я.

– Ну, цилиндр, – отвечает он. – Чего ты к нему цепляешься? Я видел, уже и в колпаках с бубенчиками ходят. Средневековье. А она у нас подвержена влияниям.

Я молчу. Я всегда подозревала, что боль душевная, если это боль, а не выбрыки, сильнее физической. Теперь я знаю это точно. Плечо почти не болит, ну, в общем, не так, чтоб не жить, а вот душа моя в клочьях. Я их даже вижу – туманные сгустки другой физики, – вижу, как они расщепляются до полной аннигиляции, а потом возникают из ничего, но уже не серые, а черные, непроницаемые. Вот они – самые болючие, потому как истекают черной вязкой плазмой, которая и есть боль. Я ведь абсолютно уверена: моя дочь способна выстрелить в меня. И мне дана больничная койка, чтобы утвердиться в этом окончательно, потому что сине-зеленый цвет паники на лице дочери я все-таки видела. Это что? Испуг за меня или испуг за себя?

Она пришла уже вечером, держа в руках цилиндр.

– Почему ты его не сдала? – спросила я.

– Гардероб только что закрыли, пальто я кинула на стул, а шляпу жалко. Прошмыгнула мышкой. Ну как ты, мам? Кому это ты так насолила?

– Я грешница, – отвечаю я, – жила и солила, жила и солила…

– Ну, это ты мне можешь не рассказывать. – И голос ее уже заражен молекулой гнева и попрека против меня. – Я ли тебя не знаю? – Но тут же она спохватывается и по-другому, виновато бормочет: – Я тебя достала, да? Знаю, достала. Я тебе не подарок.

И она кладет свою голову мне на подушку. От нее пахнет ею. Скажу прямо, этот ее запах, не гадкий, не противный, но специфически личный, меня всегда слегка донимал. Я беспокоилась и скармливала ей все новомодные жвачки, таскала по зубным врачам. Все было в ажуре для всех, мне же ее дух был, скажем так, чужеватым. Она давно не лежала со мной на одной подушке, и я тянула ее запах в себя, я искала в нем ответ на вопрос вопросов: зачем она в меня стреляла?

– Зачем? – спросила я тихо.

– Что – зачем? – ответила она мне в ухо. Потом подумала и договорила за меня: – Ты боишься за пальто, которое я бросила возле гардероба? Не бойся, я в старом деми. Помнишь то длинное и черное? Оно еще по мне. Я боялась, не застегнусь. Нормально! Даже классно со шляпой и желтым шарфом. Голь на выдумки хитра. Это ты меня научила. Ты знаешь про это?

– Откуда… – отвечаю я.

Я немножко задыхаюсь, как от запаха грудного молока, который я так и не могла понять. Замечательный, между прочим, запах, запах любви, жизни. Почему же я от него задыхаюсь?

– Сядь, – говорю я. – Я хочу на тебя смотреть. Как дома?

– Дома у меня нет, – резко отвечает она. – Есть место проживания. И только.

– Расходитесь, – говорю я. – Андрей не будет претендовать на квартиру, это мы ее вам купили.

– Я не идиотка, – отвечает она. – В моем положении безработной возможен только переход из рук в руки. Понимаешь? Я ищу мужика с квартирой, чтобы свою сдавать.

А я думаю о запахе. А до этого думала о цвете паники. Может, скоро и до вкуса дойдет? Что с раненых взять, как не их бред?

Странная это штука – лежание навзничь с пометкой от пули. Как бы новое существование.

Моя свекровь, которую я, господи, прости, любила больше, чем маму, при нашей первой встрече, прижав меня к себе, а до этого я возилась в кухне с луком и чесноком, сказала: «Ты вкусно пахнешь». Я же уловила в этом подковырку, расстроилась, прокляла все свои южные кухонные пристрастия, села за столом от нее подальше и ждала очередную гадость, типа «а волосы надо бы подстричь», «а цвет тебе этот не идет» и прочую хрень. Как она, умница, это просекла – я без понятия. Но когда на балконе я демонстрировала ей бездарную панораму окрестностей, она сказала: «Не надо ежиться, детка, ты мне очень нравишься».

А потом мы с ней говорили о запахах. Она призналась, что у ее младшей дочери очень резкий пот, – а это конец семидесятых, уже есть всякие шарики и брызгалки, на которые моя мама реагирует с присущей ей прямотой: «Знаешь, пот пахнет лучше, чем это говно».

Фу, какие идиотские мысли меня обуревают. Уже нет ни мамы, ни свекрови. Но когда родилась дочь, я обнюхала ее всю и слаще запаха не знаю. А теперь вот почему-то ворочу морду.

Она сидит против меня напряженно, я чувствую ее внутреннее убегание.

– Ну, иди, – говорю я ей. – Я беспокоюсь о брошенном где-то внизу пальто.

Как раз приходит муж, дочь вскакивает торопливо и, махнув отцу рукой, говорит:

– Смена смене идет! Держись, мам… У тебя все в порядке.

– А у тебя? – спрашиваю я ее.

Она замирает в дверях и отчетливо, с форсированными ударениями говорит:

– А у меня все просто гениально.

И исчезает. Почему я слышу недоговоренность фразы – «назло тебе»?

– Ну, что там? – спрашиваю я мужа.

– Там ничего. Никто никого не ищет. Столько убитых за день, а ты живая, слава богу. Пошустрили в подъезде, чужих, подозрительных никто не видел. Я имею в виду высокого мужика в шляпе. Знаешь, – говорит он, – это какая-то ошибка. Ты по определению не можешь быть чьей-то добычей.

– В смысле, кому я нужна? – иронизирую я.

– Как и я. Как все статистически средние единицы. Нет ни денег, ни славы. Нет предмета зависти. Понимаешь?

– А предмет ненависти может быть?

– Откуда? У ненависти тоже должен быть корень. Кто он, твой враг, чтобы вот так пойти на преступление?

– Ты мало читал детективов. Огромное количество немотивированных убийств. Огромное! Под рюмку. Под настроение. Под мысль…

– Ну и какая же это может быть мысль?

– Что, если меня не будет, кому-то станет лучше. Просто от отсутствия меня.

– Дурь. Это значит, каждый в какой-то момент может стать убийцей. Каждый! В момент гнева, обиды да просто злости…

– Так и бывает. Русский человек почти всегда на грани срыва. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Это классика. А Раскольников? Вот уж преступник от чистой идеи: тварь или право имею? А этот малахольный Стенька – только чтоб браткам доказать, что они ему дороже бабы.

Тут-то и появилась сестра с мужниным пальто в руках и заорала, что время давно уже вышло, что люди теперь совсем без понятия, что, где, как и когда.

– Заблудший народ, – хотел пошутить муж. Но шутка была не понята.

– Да просто свиньи! – кричала сестра. – Берите свою хламиду, и чтоб больше такого не было.

Она почти взашей вытолкала мужа, а потом присела ко мне на кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/galina-scherbakova/istoriya-v-stile-rep

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити